УДК 82 ЛИТЕРАТУРА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЭТАПЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТАНОВЛЕНИЯ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

© 2012 Е.В. Ласточкина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Поступила в редакцию 20 февраля 2012 г.

Аннотация: *В статье рассматриваются особенности трех основных периодов творчества С.Д. Довлатова. Каждый из городов, в которых приходилось жить писателю, – Ленинград, Таллинн и Нью-Йорк – оставили заметный след в его судьбе. Именно поэтому творческий путь Довлатова принято делить на три отрезка: ленинградский, таллиннский и нью йоркский.*

Ключевые слова: *Сергей Довлатов, периоды творчества, Ленинград, Таллинн, Нью-Йорк.*

Abstract: *The article touches upon the main periods of Sergei Dovlatov's life and work. Every city where the writer had to live – Leningrad, Tallinn, New York – left an appreciable mark on his fate.*

Key words: *Dovlatov, the periods of work, Leningrad, New York, Tallinn.*

Биография С. Довлатова, которую он, будучи мастером мистификации, превратил в одно большое произведение, с одной стороны, полна неординарных событий, а с другой – довольно точно отражает характерные черты эпохи, то есть в определенном смысле является типичной. Довлатов – писатель своего времени. По-видимому, в этом состоит одна из причин его популярности.

Заметный след в жизни Довлатова оставили три города, один из них – Ленинград, который писатель считал родным, несмотря на то, что родился в Уфе. Кстати, с башкирской столицей связана легенда о благословении Довлатова на писательство, выдуманная, судя по всему, им самим. «Не такой Довлатов был человек, чтобы оставить хоть какой-то кусок своей жизни – даже самой ранней, – без легенды. И он выдает версию, будто его заметил еще в детской коляске и фактически благословил на писательский подвиг не кто иной, как великий Андрей Платонов, который как раз в эти годы был в Уфе» [6, 15].

Впервые, но решительно и серьезно Довлатов взялся за перо еще будучи школьником, и всем было очевидно, что ни о какой иной судьбе, кроме судьбы писателя, он не мечтает. Юный честолюбивый художник не устает искать себя, несмотря на многочисленные неудачи. Создавая новые произведения, он осознает необходимость прямого выхода к читателю. Такую возможность начинающему автору могла дать только журналистика. Решив овладеть этой профессией, Довлатов подал документы в Ленинградский университет имени Жданова. Однако поступить на факультет журналистики Довлатову не удалось. «Все понимали сладость этой профессии, конкурс был большой – и Сергея не приняли» [6, 39]. Отработав год в типографии, Довлатов все-таки поступил в ЛГУ, но уже на филологический факультет, который в те времена был менее популярным у абитуриентов.

В стенах университета писатель познакомился с Андреем Арьевым, Игорем Смирновым, Федором Чирсковым, Константином Азадовским, Александром Лавровым, которые стали его лучшими друзьями. «Он нашел в университете друзей на всю жизнь, друзей, полностью разделяющих его вольные взгляды и притом достаточно сильных и успешных, на которых можно было опереться в жизни. И друзья не подвели» [6, 45]. Друзьям юности Довлатов во многом обязан тем, что он состоялся и в конечном счете прославился.

Дружеская компания Довлатова отличалась неоднородностью, однако возможность общаться с разными людьми, изучать их, узнавать истории из их жизни была для писателя необходимостью. Многие из друзей Довлатова стали прототипами его героев. Пожалуй, самую значимую роль в жизни писателя сыграл А. Арьев, которого В. Попов, автор книги о Довлатове, называет главным редактором довлатовской жизни. Самой значительной заслугой Арьева, руководившего петербургским журналом «Звезда» с начала 90-х годов, является великолепный финиш Довлатова – общероссийская слава.

Жизнь Довлатова и его товарищей – особенно в юношеские годы – была бурной и богатой на самые невероятные события. Однако они интересовали писателя в последнюю очередь: он раз и навсегда выбрал повседневность, прозу жизни

© Е.В. Ласточкина, 2012

материалом для своих произведений. Ничем не примечательный среднестатистический гражданин, ведущий вялотекущую жизнь, – вот на ком сосредоточивается внимание автора. В «Ремесле» Довлатов подчеркивает: «Только пошляки боятся середины. Чаще всего именно на этой территории происходит самое главное» [1, 204].

Со временем круг друзей стал расширяться, причем за счет таких выдающихся, в то время еще начинающих, поэтов, как Евгений Рейн, Анатолий Найман, Иосиф Бродский. «Для юного автора оказаться в компании Рейна, Наймана, Бродского – все равно что начинающему экономисту подружиться сразу с Марксом, Энгельсом и Рокфеллером. Удачнее и быть не могло» [6, 60].

У Е. Рейна юные писатели учились не только художественному мастерству, но и своеобразным манерам, которые отличают литератора от заурядного человека из толпы, – умению держать себя гордо, выделяться среди других. Величавая поза Рейна, некоторое высокомерие поэта-творца коснулись и названия его книги о Довлатове – «Мне скучно без Довлатова», увидевшей свет в 1997 году.

А. Найман – одаренный поэт, блистательный переводчик, литературный секретарь А. Ахматовой (с 1963 г.) – «язвительно прочил Довлатову статус «прогрессивного молодого писателя». Устоять под острым взглядом Наймана, уцелеть после укола его было непросто» [6, 64]. Довлатову удалось пройти «школу» представителей литературного пантеона, и это о многом говорило. Все начинающие авторы, прошедшие «отбор», оставались в литературе и в той или иной степени были успешными.

И. Бродский искренне симпатизировал Довлатову и ценил его выше многих других. В творческой судьбе писателя поддержка такой «глыбы», как Бродский, сыграла решающую роль. «Бродский помогал ему (Довлатову) с самого начала и до самого конца – и лучшей поддержки в литературном мире просто быть не могло» [6, 68].

Одним из переломных моментов в биографии Довлатова стала служба в армии, где он оказался после отчисления из университета. В систему охраны исправительно-трудовых лагерей в Коми писатель попал в июле 1962 года. По словам самого Довлатова, армейский опыт помог ему «понять главное для него самого, понять, что его призвание – быть писателем» [7, 105]. Находясь в армии, Довлатов написал первое «серьезное» прозаическое произведение – небольшую по объему повесть «Капитаны на суше», которая так и не была опубликована.

В годы военной службы Довлатов писал достаточно много стихов. Практически все он отправлял отцу. «Раньше я тоже очень любил стихи и изредка писал, но только теперь я понимаю, насколько не о чем было мне писать» [7, 105], – отмечает Довлатов в одном из армейских писем. Тем не менее, писатель открещивался от того, чтобы называться поэтом, подчеркивая: стихи просто помогают ему излить душу.

В 1963 г. писатель перевелся в Ленинградскую область и покинул Коми, а весной 1965 го – демобилизовался. После этого в жизни Довлатова наступил период относительной стабильности: он познакомился со второй женой Еленой, с которой прожил остаток своей жизни, поступил на факультет журналистики ЛГУ, устроился на работу в многотиражную газету кораблестроительного института «За кадры верфям» – по всей видимости писатель надеялся, что журналистика хотя бы отчасти заменит ему литературу. В многотиражной газете писатель работал вплоть до 1969 года, а потом уступил свое место жене.

И. Бродский вспоминает, что Довлатов вернулся из армии, «как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде» [5, 66]. Рассказы Довлатов сразу же показал Бродскому и Найману, несмотря на то, что они были поэтами, а не прозаиками. «Почему он притащил их (рассказы) мне, было не очень понятно, поскольку я писал стихи. С другой стороны, я был на пару лет старше, а в молодости разница в два года весьма значительна: сказывается инерция средней школы, комплекс старшеклассника; если вы пишете стихи, вы еще в большей мере старшеклассник» [5, 66], – отмечает Бродский в воспоминаниях о Довлатове.

Пиетет по отношению к поэтам сохранился у Довлатова на всю жизнь. Очевидно, мастера поэтического слова были близки ему по духу. «Двигало им вполне бессознательное ощущение, что проза должна мериться стихом» [5, 66]. И действительно, трудно спорить с тем, что многие рассказы Довлатова «держатся на ритме фразы, на каденции авторской речи» [5, 67], им свойственна поэтическая лапидарность.

Не взирая на то, что Бродский и Найман зачастую резко критиковали Довлатова, он продолжал показывать им свои рассказы. Более того, он работал все активнее и активнее – писал в среднем по рассказу в день – регулярно предлагал свои произведения журналам и регулярно получал отказы. Причины пренебрежения со стороны редакций были не только и не столько политическими: дело было в самих рассказах, а именно – в их несовершенстве, и Довлатов это понимал. «Строжайшая установка на гениальность мешала овладению ремеслом» [6, 137], – писал он, вспоминая о том времени.

Свои рассказы писатель раздавал знакомым, считая возможным, что они могут быть облагорожены в чужих руках. Снобизмом, завышенными требованиями к художнику отличался едва ли не

каждый второй ценитель прекрасного. Тем не менее, подобная «закалка» была начинающему писателю необходима.

Желая влиться в ленинградскую литературную среду по возвращении из армии, Довлатов начал активно посещать разного рода мероприятия, организованные литературными объединениями, которые в период 60 х–70 х годов стали не просто формой общения, а формой существования в сфере литературы. Одну из ведущих позиций тогда занимало объединение литераторов при Доме писателя. Тогда им руководил Г.С. Гор. Современники Довлатова утверждают, что микроклимат в этом литобъединении был особым: «Это была атмосфера общения людей, которые открыли свой литературный путь и которые понимали литературу как высшее назначение в своей жизни» [7, 152].

В начале 70 х годов литературное объединение при Доме писателя было закрыто. За время его существования у многих авторов все-таки вышли книги. Нескольким членам объединения, в числе которых был и Довлатов, так и не удалось опубликовать свои произведения.

В 1964 году в Ленинграде по инициативе писателя Б. Вахтина возникла литературная группа «Горожане». В первый сборник, созданный группой молодых писателей и так и не увидевший свет, вошли повести и рассказы самого Вахтина, а также его приятелей – В. Марамзина, В. Губина и И. Ефимова. Участники этого литературного объединения были связаны не только дружбой, но и общим стремлением к обновлению языка, свободе творчества, желанием преодолеть социальные и идеологические рамки, резко отрицательным отношением и к официальной советской литературе, и к некоторым ее оппонентам (в частности, к журналу «Новый мир»).

С. Довлатов присоединился к «Горожанам» в конце 60 х. Свое знакомство с участниками группы Довлатов довольно подробно описывает в «Ремесле». Согласно содержанию повести, с Ефимовым Довлатова познакомил Найман, которому начинающий писатель фактически досаждал своими пробами пера (сам Довлатов признавался, что приносил Найману в среднем по три рассказа в неделю).

Важно заметить, что период творческого созревания Довлатова пришелся на довольно сложное для литературы – и искусства в целом – время: к середине 60-х годов отношения художников и власти значительно усложнились. Самиздат, появившийся в этот период, стал в определенном смысле результатом сопротивления писателей давлению руководства страны, равно как и тамиздат (это термин означал, что «произведения, по разным причинам отвергнутые государственными издательствами, публиковались за пределами страны» [3, 7]). Начиная с 1965 года, после знаменитого «процесса А.Синявского и Ю.Даниэля», выступавших против единомыслия, в России фактически началось целенаправленное «вытеснение» неугодных писателей: с разницей в несколько лет из страны были высланы В. Тарсис, А. Кузнецов, А. Солженицын, В. Максимов, а также ряд других художников, писателей, ученых.

В надежде на возможность публикации своих книг в 1972 году Довлатов переезжает в Таллинн. Некоторые исследователи творчества писателя называют этот период его жизни «первой эмиграцией», поскольку эстонская столица считалась самым «несоветским» городом СССР: слишком «укомплектованные» магазины, чересчур вежливые продавцы, непривычно уютная обстановка. «Казалось, и вся жизнь там только такая, и только такая и может быть: вежливая, разумная, уютная! И у всех нас возникала радостная догадка: а может, там и настоящей советской власти нет? Ведь не может же быть при советской власти так хорошо?» [6, 198] – вспоминает В. Попов.

В 70 е годы в литературной среде бытовало мнение, что на двуязычных территориях Советского Союза давление цензуры на искусство было не таким сильным, как в других республиках, входивших в состав СССР. «В расчете на то, что в Эстонии все-таки дальше от так называемого центра, от Москвы и Ленинграда, и, соответственно, Эстонская секция Союза писателей там главная, а русская – второстепенная, Довлатов поехал в Таллинн» [7, 106].

Несмотря на большие надежды, возложенные на пребывание в Эстонии, и здесь Довлатов не сразу сумел найти себе должное применение. Поселившись у журналистки Т. Зибуновой, с которой у писателя завязался роман, Довлатов стал искать работу. Его первым трудовым «пристанищем» стала угольная котельная. К счастью, писателем-кочегаром Довлатов был недолго – через полтора месяца он устроился в портовую многотиражку «Моряк Эстонии», где в течение девяти месяцев работал ответственным секретарем. Параллельно Довлатов печатался как внештатный автор в газете «Молодежь Эстонии», а через некоторое время благодаря помощи журналистов М. Рогинского и В. Репецкого писателя приняли в солидную таллиннскую газету «Советская Эстония».

Нравилась ли Довлатову работа в «Советской Эстонии», сказать сложно, тем более что эстонские коллеги писателя не сошлись в едином мнении по данному вопросу. Писатель Б. Ройтблат утверждает, что Довлатов любил свою работу и к ее выполнению относился ответственно: «Не могу сказать, что в редакции («Советской Эстонии») он работал только ради денег. Это не так. Репортерскую работу, в лучшем смысле этого слова, он любил» [4, 184]. А вот ученый С. Боговский

утверждает, что работа в эстонских газетах интересовала Довлатова лишь как способ решения материальных проблем: «Работа в эстонских газетах была для Довлатова циничным зарабатыванием денег, и ничем больше. Он действительно часто писал всякие очерки о несуществующих людях или – того хуже – о своих приятелях. В общем, он, как мог, зарабатывал деньги. И при этом направо и налево всем объявлял, что журналистика – презренное занятие» [4, 186].

Действительно, с одной стороны, не последнюю роль для него играл денежный вопрос (в редакции неплохо платили), а с другой – писатель не просто «отсиживал» часы, а довольно часто проявлял инициативу, следовательно, был увлечен работой. Например, вместе с сотрудницей газеты Довлатов придумал детскую страничку – «Эстонский словарь», чтобы дети изучали родной язык (в то время в Таллинне все преимущественно говорили по-русски). Кроме того, у Довлатова была своя рубрика «Гости Таллинна».

С пребыванием в Таллинне у Довлатова связано еще одно важное событие – публикация в журнале «Юность». В 1974 году в Таллинне гостил сотрудник журнала, который и предложил Довлатову написать рассказ о жизни рабочего класса и приложить к нему еще один – из тех, что уже имеются в «арсенале» автора. Из «арсенала» Довлатов выбрал рассказ «Солдаты на Невском». Над «заказным» произведением – оно называлось «Интервью» – писатель работал довольно долго, переписывая его несколько раз.

Как только работа была завершена, Довлатов, затаив дыхание, отправил свои произведения в Москву. Вскоре из редакции пришел ответ: ждите шестого номера. «В конце июня в Таллинн прибыл долгожданный номер. Опубликован был только рассказ про рабочего! Это был удар! Да еще дошли слухи, что Полевой, в то время редактор «Юности», рекомендовал второй рассказ свернуть трубочкой и засунуть автору в задницу» [6, 210 211]. Нельзя сказать, что этот инцидент сильно расстроил писателя: он понимал, что шансы на публикацию рассказа хотя бы с намеком на вольнодумие ничтожны. В письме к Л. Штерн Довлатов отмечает следующее: «"Юность" – черт с ней! Я написал то, что им требовалось, и они меня опубликовали, другого публиковать не стали бы. Для меня и для местного издательства это сильный прецедент. Тут есть чиновники, которые текста не прочтут, а рожу и фамилию запомнят» [2, 299].

Еще один важный факт творческой биографии Довлатова, связанный с Эстонией, – попытка издания книги «Пять углов. Записки горожанина», которая так и не появилась. «История гибели довлатовской книги широко известна – в то же время загадочна. Или, точнее, иррациональна. Конкретного злодея, поставившего своей жгучей целью именно уничтожение книги Довлатова, не найти. Злодеем, можно сказать, было время, сам «климат» нашей жизни» [6, 218].

Дело в том, что рукопись Довлатова, которая к тому времени прошла через все цензурные органы и была одобрена к печати, обнаружили при обыске у некого С. Солдатова, якобы занимавшегося распространением диссидентской литературы в Таллинне. К Солдатову рукопись попала через знакомых писателя. Узнав о том, что его еще не вышедшая книга в опасности, Довлатов сам пошел в КГБ и рассказал о случившемся. «Полковник ему сказал: «Идите, работайте спокойно». А сам тем временем позвонил в редакцию («Советской Эстонии») и потребовал, чтобы Довлатова на всякий случай немедленно уволили» [4, 224]. Далее последовала унизительная редакционная коллегия в «Советской Эстонии», увольнение по собственному желанию и отъезд из Таллинна.

Вернувшись в Ленинград, Довлатов в очередной раз осознал свою ненужность. И сам город, и страна в целом значительно изменились: «Уже эмигрировал и получил Нобелевскую премию Александр Солженицын. Друзья и знакомые Довлатова разъезжаются из Ленинграда в разных направлениях. Михаил Хейфец отправляется в лагерь, Иосиф Бродский и Людмила Штерн – за границу, Евгений Рейн и Анатолий Найман переехали в Москву» [4, 240].

Попытки опубликовать несколько рассказов в журналах «Аврора» и «Звезда» окончились неудачей. Спасением для писателя стало приглашение на работу в детский журнал «Костер», созданный в 1936 г. С. Маршаком и ставший своеобразным преемником легендарных «Чижа» и «Ежа». В середине 70 х гг. тираж у журнала составлял около 650 тысяч экземпляров. Свои произведения на страницах «Костра» печатали В. Голявкин, В. Аксенов, С. Вольф, Ю. Алешковский, Л. Лосев и В. Уфлянд. Иллюстрировали журнал лучшие художники Ленинграда – Г. Ковенчук, М. Беломлинский, С. Остров. В журнале «Костер» писатель работал в течение года – это время было в его жизни не самым худшим: наладился быт – Довлатов получал хорошие деньги, а сама редакция стала для него своеобразным «щитом» от силовых структур.

В 1976–1977 гг. Довлатов работает экскурсоводом в Пушкинских Горах. Пребывание в Михайловском нашло отражение в книге «Заповедник», которая была начата в «предотъездное» время, а закончена – уже в эмиграции, в 1983 году.

Заглавие повести как будто бы перекликается с «Зоной». И то, и другое – ограниченное пространство, однако в этой замкнутости состоит и принципиальное различие: пространство лагеря

ограничено запреткой, а заповедник – «оазис тишины и покоя, хронотоп, живущий по особым законам» [8, 136]. Обителью, в которой царствует покой и размеренность, Михайловское стало и для Довлатова, несколько разочаровавшегося в журналистике и решившего сменить род деятельности. Хотя дело не только в этом: писателю понравилась сама идея вести экскурсии в заповеднике. Когда писатель решил отправиться в Пушкинские горы, там уже работали его друзья А. Арьев и В. Герасимов, которые оказали Довлатову содействие в устройстве на работу.

Заповедник для Довлатова действительно стал спасением: здесь он мог на время уйти от суровой советской реальности, от всего того, что его не устраивало в столичной жизни, заработать приличные деньги и, главное, набраться впечатлений для новой книги. Последнее было для писателя особенно ценно.

По свидетельству коллег, работая в заповеднике, Довлатов проявил себя как ответственный сотрудник экскурсионного бюро, всегда знавший текст и умевший (будучи превосходным рассказчиком) расположить к себе публику. Тем не менее, туристов писатель не любил и во время экскурсий держался довольно высокомерно.

Работа в Пушкинских горах была сезонной. Вскоре Довлатову пришлось вернуться в Ленинград и опять попытаться найти себе применение, однако с этой задачей писатель едва ли справлялся. После увольнения из «Костра» Довлатов то работал на кладбище, то помогал каменотесам в ваянии скульптур, то промышлял изготовлением памятников. Это были своеобразные предэмиграционные «шатания», когда вопрос об отъезде за границу встал ребром.

Между тем к концу 70 х годов эмиграция из СССР приобрела едва ли не массовый характер. Если в 1970 г. страну покинуло около тысячи человек, то в 1973 г. – уже 34 тысячи, а в 1979 г. за рубеж эмигрировали 43 тысячи граждан. Люди, покидающие Советский Союз в это время, стали называться эмигрантами «третьей волны». Большинство из них были евреями, которым пришлось в течение нескольких лет добиваться права выезда в Израиль.

Стоит сказать, что решение покинуть родину Довлатов принял не из прагматизма. Судя по воспоминаниям друзей писателя, он не раз подчеркивал, что не хочет уезжать, расставаться с родной страной, родной культурой, родным языком. К отъезду писателя, равно как и многих других представителей творческого андеграунда, вынудили обстоятельства: в 1967 г. состоялась партийная конференция, на которой была поставлена четкая задача – очистить Ленинград от диссидентов, которые якобы могут сорвать проведение Олимпийских игр. Именно в это время была совершена серия поджогов творческих мастерских, музеев, ателье.

Точкой бифуркации в жизни Довлатова стала публикация «Невидимой книги» Довлатова в американском издательстве «Ардис», созданном в 1971 г. супругами Профферами и специализировавшемся на запрещенной русской литературе. В «Ардисе» были изданы классики Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, А. Платонов, И. Бабель, В. Ходасевич, М. Булгаков, а также современные русские поэты и прозаики Г. Владимов, В. Войнович, В. Аксенов, А. Битов, И. Бродский и многие другие.

«Невидимая книга» увидела свет в 1978 году, и судьба писателя была решена в один миг. В апреле 1978 г. в Соединенные Штаты уехали жена и дочь Довлатова, а августе СССР покинул и сам писатель, оказавшийся сначала в Вене, а чуть позже, в феврале 1979 г., в Нью-Йорке.

Вскоре после выхода «Невидимой книги» парижский журнал «Континент», основанный В.Максимовым, опубликовал рассказ С. Довлатова «По прямой». Затем в журнале «Время и мы» издаются рассказы «Голос» и «На что жалуетесь, сержант?»

Как только Довлатов приехал в Нью-Йорк, он сразу же приступил к работе – сделал несколько передач на радио «Свобода», сотрудничал с единственной тогда русской ежедневной газетой – «Новое русское слово». Однако самое главное, что ожидало писателя в Америке, – всеобщее признание и издание собственной газеты – «Новый американец».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Довлатов С.Д. Ремесло / С.Д. Довлатов Собрание сочинений в 4 т. – СПб., 2006. – Т. 3.

2. Малоизвестный Довлатов. – СПб., 1995.

3. Зубарева Е.Ю. Проза русского зарубежья / Е.Ю. Зубарева. – М.,2000.

4. Ковалова А. Довлатов / А. Ковалова, Л. Лурье. – СПб., 2009.

5. О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. – Тверь, 2001.

6. Попов В. Довлатов / В. Попов. – М., 2010.

7. Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба. Итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения». – СПб., 1999.

8. Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба / И. Сухих. – СПб., 2010.

Е.В. Ласточкина
Кафедра истории русской литературы XX века.
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

E.V. Lastochkina
The Department of Philology
Lomonosov State University